

MODERN ASPECTS OF TERMINOLOGY RESEARCH

Abstract: New linguistic directions of the late XX and early XXI centuries are considered in the article. These scientific approaches gave a new impetus and a new direction in the development of research on the theory of terminology. Particular attention is paid to the cognitive and linguistic and cultural aspects, as part of modern anthropology and intercultural communication, for the study of computer terminology.

Author information:

Diyana Nikolova
Assistant, PhD student
Konstantin Preslavsky University of Shumen
✉ d.nikolova@shu.bg
📍 Bulgaria

Keywords:

Cognitive terminology, anthropolinguistics, linguistic and cultural aspect, computer terminology.

В конце XX и в начале XXI вв. актуальным в лингвистике, и в частности в терминологии как одной из структур общенационального языка, является антропоцентрический подход. Сущность данного научного подхода выражается в смещении направления исследований с объектов познания на субъект, т.е. выявления роли человека в языке и языка в человеке [18, с. 39]. Взаимообусловленность мышления человека и языка, а также особенности национальных языковых картин мира и познания занимают ведущее место в исследованиях современных ученых. Заметным становится повышенный интерес исследователей к проблеме становления терминологий с точки зрения терминологической антропологической лингвистики, что выводит терминоведению на одно из ведущих мест в системе лингвистических дисциплин. Антропоцентрический аспект исследования терминологии находит свое отражение в трудах многих ученых: Д. С. Лотте (1931), С. В. Гринева-Гриневича (2008, 2009, 2016), Э. А. Сорокиной (2008), Л. А. Чернышовой (2010) и др. Новый подход позволяет выявить особенности употребления определенного набора терминов, учитывая различия в отдельных языках, что предопределяется культурными и историческими факторами, влияющими на развитие языков, с одной стороны, и роль человека при выборе определенной единицы, с другой стороны. Новые явления в языке в XXI веке послужили причиной выделения новой научной отрасли – терминологической антропологической лингвистики, открывая тем самым возможности более глубокого анализа, в том числе в контексте межкультурного диалога.

Активная роль современной компьютерной терминологии в русском и болгарском языках, проявляется в ее выходе за пределы специализированной области и в обогащении лексического состава языков. Неологизмы в данной терминологии появляются в результате необходимости номинации новых продуктов и понятий и входят в оба языка одновременно с ИТ-продуктами. С каждым днем возрастает влияние и зависимость пополнения терминологического состава языка от ИТ-технологий, что сказывается на межкультурной коммуникации. В наши дни общение и обмен информацией между производителями, программистами и пользователями ИТ становится все более значимым, что делает исследование данной терминологии актуальным. Под воздействием данной профессиональной сферы уже складывается новое, глобальное информационное общество, состоящее из меньших сообществ со своими языковыми, культурными традициями, национальной самобытностью и со своей особой коммуникацией, обменом информацией и знаниями, а роль компьютерных терминов приобретает все большую

значимость в развитии коллективной научной памяти, способствуя развитию познавательной деятельности и осуществлению межкультурной коммуникации.

В конце прошлого века, наряду с логическим, ономаσιологическим, сопоставительным, функциональным, прикладным и др. подходами в исследовании терминологии, начинает использоваться и новый – когнитивный. По словам З. Д. Поповой и И. А. Стернина, в качестве предмета когнитивной лингвистики воспринимаются „особенности усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков“ [17, с. 3]. Намечаются цели данного научного направления, а именно „понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией“ [18, с. 39].

Об интенсивном развитии когнитивной лингвистики свидетельствуют болгарские и зарубежные школы. Интерес терминологов к данной научной отрасли приводит к формированию *когнитивного терминоведения* (термин С. В. Гринева). Более того, С. В. Гринева называет указанное направление одним из наиболее перспективных направлений современных терминологических исследований [цит. по 5, с. 13–14]. Оно является важным не только для изучения особенностей развития научного познания, но и путей развития человеческой культуры и цивилизации в целом [7, с. 33]. Когнитивное терминоведение развивается в трудах В. М. Лейчика, В. Ф. Новодрановой и др. Его теоретические и прикладные вопросы решаются с позиции дискурсивно-когнитивного подхода [9, с. 7]. Все чаще в научные исследования включаются вопросы концептуально-фреймовой структуры термина и его категориальной модели.

На базе когнитивных теорий Е. И. Голованова выделяет „важнейшие идеи терминоведения“, связанные с изменением взгляда на содержание термина и характер соотношения термина и понятия, а также с введением в терминоведческий оборот понятий *концепт, концептуальные структуры, форматы знания*. В рамках когнитивного терминоведения за термином закрепляется первостепенная значимость его когнитивных функций; он рассматривается в качестве динамического образования, включенного в процесс профессионального познания и профессиональной деятельности, и понимается как результат сложного взаимодействия когниции и коммуникации в особом семиотическом пространстве определенной области знания и деятельности; происходит углубление научных представлений о процессах формирования и эволюции содержания термина: от концепта как стихийного обобщения специального знания к понятию как его теоретическому обобщению [5, с. 14].

Под влиянием когнитивной лингвистики изменяются цели терминологических исследований – от изучения свойств термина к изучению его внутренней сущности, устанавливается взаимосвязь с сознанием профессиональной языковой личности, с профессиональным знанием вообще и его динамикой, с профессиональной коммуникацией. Современное терминоведение не только описывает термин, но стремится объяснить явления, связанные с многогранностью научного знания.

Наряду с когнитивной лингвистикой, одним из актуальных и активно развивающихся направлений в русле антропоцентризма является лингвокультурология, которая концентрирует свое внимание на особенностях отражения в языке культурной информации и менталитета того или иного народа [19, с. 106]. Целью данного междисциплинарного научного направления является „изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру“ [14, с. 30]. Базовым понятием лингвокультурологии является культура, а язык „есть важнейшее средство общения и выражения мысли, кроме того, язык аккумулирует знания культуры“ [1, с. 12], т.е. язык понимается как орудие культуры, ее неотъемлемой частью и обязательным условием для ее существования. Не можем не согласиться с В. М. Шаклеиным, что с позиции современной лингвокультурологии, язык не существует вне культуры как социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни [24, с. 51]. Язык и культура так сильно связаны и взаимопроникают друг в друга, взаимоопределяются, что нельзя выделить лидирующую роль одного из них. Однако по языковым знакам можем судить о культурных особенностях, об образе жизни, о мировоззрении

его носителей, определять сходство и различие в культурах. Язык „выступает своеобразной формой концептуализации мира, в нем отображается мировидение и мировосприятие той или иной национально-культурной общности“ [19, с. 108].

Современные терминологи обращаются к лингвокультурологическому подходу при исследовании термина. Например, М. Н. Володина, указывает на его кумулятивный характер (накопление когнитивно-культурологической информации). Автор воспринимает термин как источник социального знания, проявляющегося «на двух основных уровнях: горизонтальном (интернациональная общность, в основе которой лежит общечеловеческая сущность мышления) и вертикальном (национальная специфика языкового выражения социального знания)» [3, с. 13]. Основываясь на словах П. А. Флоренского, что термин „будучи предметом данной области культуры, принадлежит к этой культуре“ [цит. по 4, с. 171], А. Х. Мерзлякова предлагает дополнить дефиницию термина С. В. Гринева еще одним признаком, а именно, наличием или отсутствием лингвокультурной специфики [15]. Автор приходит к выводу, что являясь „языковым выражением специального концепта, термин не может не отражать национально-специфическое содержание концепта“ и, являясь вербализованным вариантом особого концепта специального знания, он является элементом концептосферы, социума и культуры [15].

Лингвокультурное и когнитивное направления реализуют интегративный подход к терминологическим единицам. На базе работ Дж. Лакоффа и М. Джонсона в исследованиях терминологии высоко оценивается роль концептуальной метафоры, что позволяет установить сходство или различия между языками. Проблемы межкультурного профессионального общения, лингвокогнитивные и лингвокультурные механизмы формирования языковой картины мира, национально-культурная специфика терминологии и профессиональной коммуникации т.д. поднимаются в современных работах по терминоведению.

Сравнительно-сопоставительные исследования специальной лексики играют важнейшую роль в определении путей ее формирования в сопоставляемых языках. Терминосистема сферы ИТ является открытой и находится в постоянном развитии, в связи с чем остро стоит проблема адекватного описания семантических и стилистических преобразований, присущих специальной лексике. Формирование любой терминосистемы находится в прямой зависимости от человека, точнее от процесса его мышления, знания в научной области ИТ, восприятия и интерпретации нового знания, что, в конечном счете, определяет облик терминологии. Таким образом, следует понимать, что именно обыденное и индивидуальное сознание людей, участвующих в процессе создания и заполнения лакун компьютерной терминологии или любой другой терминосистемы, а также культурные различия оказываются основными предпосылками при становлении терминологии.

Итак, антропоцентризм современной науки открывает новые возможности в терминологических исследованиях, в центр которых ставится человек и его профессиональная деятельность. Современные подходы дают возможность не просто описать термин, а объяснить многие явления в контексте полипарадигмальности знания, вписать термин в междисциплинарный контекст, чтобы постичь его сущность в аспекте когниции и коммуникации.

References:

1. *Avramova V.* Lingvokulturologiya. Shumen: UI „E. K. Preslavski“, 2007. 244 s.
2. *Apresyan Yu. D.* Teoreticheskaya semantika v konce XX stoletiya // *Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz.* 1999. t.58. №4. S. 39–54.
3. *Volodina M. N.* Kognitivno-informacionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominaciya: Diss... d. filol. n. Moskva, 1998. 345 s.
4. *Buyanova L. Yu.* Termin kak edinica logosa. Moskva: Flinta, 2012. 218 s.
5. *Golovanova E. I.* Kognitivnoe terminovedenie: problematika, instrumentarij, napravleniya i perspektivy razvitiya // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2013. №24(315). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 82. S. 13–18.
6. *Grinev S. V.* Kognitivnoe terminovedenie // *Nauchno-tehnicheskaya terminologiya.* Moskva, 2002. Vyp. 1. S. 11–15.

7. *Grinev S. V.* Terminovedenie na poroge tretego tysyacheletiya // Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya. Moskva, 2000. Vyp. 1. S. 31–34.
8. *Zhirova I. G.* Lingvisticheskaya kategoriya emfatichnost v antropocentricheskom aspekte: avtoref. diss... d. filol. n. Moskva: Izd-vo MGOU, 2007. 40 s.
9. *Kornilov O. A.* Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacionalnyh mentalitetov. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: CheRo, 2003. 349 s.
10. *Krasnyh V. V.* Etnopsiholingvistika i lingvokulturologiya: kurs lekcij. Moskva: Gnozis, 2002. 284 s.
11. *Kubryakova E. S.* Semantika v kognitivnoj lingvistike (o koncepte kontejnera i formah ego obektivacii v yazyke) // Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz. 1999. t.58. № 5–6. S. 3–12.
12. *Kubryakova E. S.* Yazyk prostranstva i prostranstvo yazyka (k postanovke problemy) // Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz. t.56. 1997. №3. S. 22–31.
13. *Lejchik V. M.* Kognitivnoe terminovedenie – pyatyj etap razvitiya terminovedeniya kak vedushchej nauchnoj discipliny rubezha XX–XXI vekov // Kognitivnaya lingvistika: novye problemy poznaniya. Moskva; Ryazan: IRU, 2007. S. 121–133.
14. *Maslova V. A.* Lingvokulturologiya: ucheb. posobie. Moskva: Akademiya, 2001. 202 s.
15. *Merzlyakova A. H.* Lingvokulturnye aspekty terminologii (na primere ryada terminov po sociologii). URL: http://www.rusnauka.com/5_NMIV_2009/Philologia/40848.doc.htm (data obrashcheniya: 29.07.2015).
16. *Novodranova V. F.* Formirovanie yazykovoj kartiny mediciny (kognitivnyj aspekt) // Sovremennye tendencii v leksikologii, terminovedenii i teorii LSP: Sb. nauchnyh trudov. Posvyashchaetsya 80-letiyu Vladimira Moiseevicha Lejchika. Moskva: Izd-vo MGOU, 2009. S. 269–273.
17. *Popova Z. D., Sternin I. A.* Ocherki po kognitivnoj lingvistike Voronezh: Istoki, 2002. 191 s.
18. *Svetonosova T. A.* Kognitivnaya lingvistika i lingvokulturologiya: cherty i razlichiya // Filologicheskie nauki v MGIMO: sbornik nauch. trudov. № 27(42). Moskva: MGIMO-Universitet, 2007. S. 39-46.
19. *Stoyanova E.* Lingvokulturnoe napravlenie v nauchnyh issledovaniyah v Bolgarii // Bolgarskaya rusistika. Almanah. Sofiya, 2017. S. 104–118.
20. *Stoyanova E.* Lingvokulturnoe napravlenie v nauchnyh issledovaniyah: preimushchestva i vozmozhnosti. // Chetvertaya belgradskaya vstrecha slavyanskih rusistov. Sovremennoe izuchenie russkogo yazyka i russkoj kultury v inoslavyanskom okruzenii. Ruski jezik kao inoslovenski. Russkij yazyk kak inoslavyanskij. Vypusk IV (2012), Belgrad, 2012, s. 103–119.
21. *Ter-Minasova S. G.* Yazyk i mezhkulturnaya kommunikaciya. Moskva: Slovo, 2000. 146 s.
22. *Chernyshova L. A.* O professionalnoj yazykovoj kartine mira // Vestnik Pomorskogo un-ta, 2009, №7. S. 251–257.
23. *Chernyshova L. A.* Otrasleyaya terminologiya v svete antropocentricheskoj paradigmy: monografiya. Moskva: Izd-vo MGOU, 2010. 206 s.
24. *Shaklein V. M.* Lingvokulturologiya: tradicii i innovacii: monografiya. Moskva: Flinta, 2012. 301 s.